

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 2 / 2025, Vol. 5, Iss. 2 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 81.42

¹ Скандакова Е.С.

¹ Белгородский университет кооперации, экономики и права

Специфика тезауруса Бориса Васильева

Аннотация: тезаурус писателя отражает индивидуально-авторскую и национально-культурную специфику глубинных когнитивных структур. Цель статьи – продемонстрировать многообразие подходов к теоретическому осмыслению тезауруса, проанализировать специфику формирования писательского тезауруса Бориса Васильева. Тезаурус Бориса Васильева – это комплексное пространство тезауруса нравственности, духовных и культурных ценностей, исторической памяти, благодаря чему актуализируется практическое применение проведенного исследования. Ведущим методом при изучении тезауруса художественных текстов Бориса Васильева стал тезаурусный метод, который позволил выявить ценностно-смысловое пространство художественных текстов Б.Л. Васильева. Задачи исследования: 1. Рассмотреть различные подходы при изучении тезауруса. 2. Представить комплексное теоретическое пространство тезауруса. 3. Выявить специфику писательского тезауруса Бориса Васильева. Тезаурус писателя эксплицируется в процессе коммуникации автора и читателя, в результате которой выявляются цели и мотивация авторских интенций, определяются языковые и образные средства – инструмент, используемый автором под влиянием субъективной базы культурных, исторических и когнитивных факторов. Тезаурус наглядно представлен в тексте, поскольку репрезентирует лексическое, стилистическое и смысловое пространство порожденного автором произведения и очерчивает динамическую зону использования лексем, функционирующих в контекстуальном пространстве произведений писателя.

Ключевые слова: тезаурус, писательский, личностный, индивидуальный, авторский тезаурус, Б.Л. Васильев

Для цитирования: Скандакова Е.С. Специфика тезауруса Бориса Васильева // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 2. С. 170 – 175.

Поступила в редакцию: 27 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 08 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 27 февраля 2025 г.

¹ Skandakova E.S.

¹ Belgorod University of Cooperation, Economics and Law

Specificity of Boris Vasiliev's thesaurus

Abstract: the writer's thesaurus reflects the individual-author and national-cultural specificity of deep cognitive structures. The purpose of the article is to demonstrate the diversity of approaches to theoretical understanding of the thesaurus, to analyze the specificity of the formation of the writer's thesaurus of Boris Vasiliev. The thesaurus of Boris Vasiliev is a complex space of the thesaurus of morality, spiritual and cultural values, historical memory, due to which the practical application of the conducted research is actualized. The leading method in the study of the thesaurus of fiction texts of Boris Vasiliev was the thesaurus method, which made it possible to identify the value-semantic space of the fiction texts of B.L. Vasiliev. Research objectives: 1. To consider various approaches to the study of thesaurus. 2. To present a complex theoretical space of the thesaurus. 3. To identify the specificity of the writer's thesaurus of Boris Vasiliev. The writer's thesaurus is explicated in the process of communication between the author and the reader, as a result of which the goals and motivation of the author's intentions are re-

vealed, the linguistic and figurative means are determined - a tool used by the author under the influence of the subjective base of cultural, historical and cognitive factors. The thesaurus is clearly presented in the text, since it represents the lexical, stylistic and semantic space of the work generated by the author and outlines the dynamic zone of use of lexemes functioning in the contextual space of the writer's works.

Keywords: thesaurus, writer's, personal, individual, author's thesaurus, B.L. Vasiliev

For citation: Skandakova E.S. Specificity of Boris Vasiliev's thesaurus. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (2). P. 170 – 175.

The article was submitted: January 27, 2025; Approved after reviewing: February 08, 2025; Accepted for publication: February 27, 2025.

Введение

В лингвистике термин «тезаурус» (от греч. thesauros – запас; сокровище, сокровищница) возник для обозначения словаря как сокровищницы языка, по нашему пониманию, в концепции В.И. Даля. Согласно словарю лингвистических терминов тезаурус – это словарь: 1) идеологического типа, в котором вокруг общих понятий сгруппированы лексемы, находящиеся друг с другом в семантических отношениях; 2) включающий максимальное количество лексем с примерами употребления лексико-семантических вариантов; 3) включающий все слова того или иного языка» [5]. Тезаурус как информационная и когнитивная база функционирует как: 1) «открытая и подвижная система значений, хранящейся в памяти индивида» (Т.М. Дридзе) [3]; 2) синтез «взаимосвязанных продуктов переработки разностороннего опыта взаимодействия человека с окружающим его миром» (А.А. Залевская) [6]; 3) «знания о мире (не всегда находящие непосредственную корреляцию в словарном фонде), формирующие картину мира на уровне концептуальной системы» (И.И. Халеева) [18]; 4) «компонент жизнедеятельности человека» (А.А. Никитина) [12].

Вследствие многовекторной интерпретации данного феномена возникает необходимость в более узких и направленных по отношению к тезаурусу писателя понятиях, очерчиваемых исследованиями в лингвистике за рамками понятийного аппарата другими гуманитарными науками, например, «индивидуальный тезаурус» – В.А. Луков, В.А. Луков [8, 9], С.А. Осокина [14, 15]; «личностный тезаурус» (возник в педагогике и психологии) – В.П. Вейдт [2], Е.Е. Сапогова [16], Ю.В. Юшкевич [19]; «писательский тезаурус» – С.Н. Есин [4]; «авторский тезаурус» – М.Ю. Мухин [10, 11], А.П. Седых, Е.И. Куган [17].

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили художественные тексты Б.Л. Васильева. Тезаурус писателя отражает национально-культурную специфику глубинных когнитивных структур. Тезаурус Б. Васильев – это тезаурус нравственности, духовных ценностей, несогласия и сопротивления, личное противостояние с равнодушием и безразличием человека.

Ведущим методом при изучении тезауруса художественных текстов Бориса Васильева стал тезаурусный метод, который позволил выявить ценностно-смысловое своеобразие данного феномена, благодаря контекстуально-семантическому методу исследованы исторические и культурные универсалии тезауруса Б.Л. Васильева:

- выявлены и интерпретированы теоретические факторы функционирования тезауруса;
- проиллюстрированы многовекторные подходы в исследовании писательского тезауруса Бориса Васильева.

Результаты и обсуждения

В поиске определения дефиниции тезауруса С.А. Осокина сопоставляет понятие «индивидуальный тезаурус» с позиции собственно языковой основы, которому предшествует рассуждение о личностном тезаурусе, с понятием «языковая личность». В соответствии с первым уровнем модели Ю.Н. Караулова в качестве «личностного тезауруса» выступает лингво-когнитивный уровень, который выявляет индивидуальные предпочтения. Отметим, что подобное видение тезауруса представлено в работах С.Н. Есина: «писательский тезаурус структурируется не по общей модели, а исключительно по индивидуальному комплексу предпочтений – «персональной картины мира» [4, с. 48].

С.А. Осокина, отталкиваясь от известной уровневой модели, полагает, «что тезаурус, пронизывающий все уровни языковой личности, – это не только образы, значения и содержание, встающие «за» словами, это прежде всего слова и выражения языка, выполняющие функцию категоризации знаний» [14, с. 180]. Тезаурус наглядно представлен в тексте, поскольку репрезентирует лексическое, стилистическое и смысловое пространство порождаемого автором произведения. «Тезаурус участвует в построении иерархий в картине мира,

но за ее пределами существует в виде последовательностей языковых знаков – слов, высказываний. Поэтому единицами тезауруса должны признаваться некие последовательности языковых знаков (устойчивые стереотипные сочетания слов) <...> Устойчивые сочетания слов можно признать основными организующими единицами тезауруса. Отдельно употребленное слово – это результат свернутого контекста, который можно развернуть, анализируя языковую ситуацию» [14, с. 181].

Тезаурус автора очерчивает динамическую зону использования лексем, функционирующих в контекстном пространстве произведений писателя. «Тезаурус писателя – индивидуализированное пространство эволюции языковой личности автора» [17, с. 145]. Отобранные из всего многообразия национального языка языковые единицы становятся не просто доминирующими и ключевыми, характеризующими языковую личность автора, а носителями целых смыслов. Эти средства приобретают и специфическое звучание, преобразая устоявшуюся узусальную систему значений и семантических отношений, и создают предпосылку для считывания и интерпретации авторской языковой картины мира.

Идиостилевые приметы направленности смыслообразующих доминант в художественном пространстве текста отражают наполненность когнитивной основы представлений личности автора (языковой, речевой, коммуникативной) как языкового сознания национально-культурной специфики и присущей ей маркированности.

Регулятивные средства (стилемы), которые репрезентированы ценностно-смысловыми номинациями коннотативного характера, выявляют смысловое содержание индивидуального тезауруса как специфического коммуникативного пространства авторской концептосферы. Тезаурус, отмечает Е.Г. Озерова, «описывает содержание языкового сознания автора текста и его читателей и предстаёт в виде фильтра, через который “пропускается” поступающая от текста к читателю выраженная словесно смысловая информация» [13, с. 43].

Тезаурус писателя, существующий в текстах, – это состоявшаяся реализация процесса коммуникации автора с читателем, за которым стоит мотив, намерение писателя, цель, которые определяют языковые средства – инструмент, которым автор воспользуется под влиянием опять же усваиваемого общезыкового тезауруса не без участия идиолекта как речевой особенности, таким образом, авторский тезаурус – это основа и продукт авторских текстов.

Следовательно, тезаурус – это составляющие собственного стиля автора в тандеме: идиостиль и идиолект.

Личностный тезаурус – это заданный и осмысленный способ передачи субъективной информации во внешнее информационное пространство в виде сформировавшейся системы координат и совокупности отношений норм, оценок, понятий, представлений, пронизываемых всеми уровнями языковой личности. Личностный тезаурус может в своем развитии претерпевать изменения и, например, совершенствоваться, обогащаться и даже трансформироваться от текста к тексту, подстраиваясь под жанровую специфику текстов, но так и не стать уникальным с позиции стилистического мастерства писателя.

Необходимо развести понимание тезауруса личностного и индивидуального. Индивидуальный тезаурус – это то, что в итоге создано писателем, что имеет отношение к уникальности не как к данности особенности индивида, а к уникальности как к дару, свидетельству удивительного, креативного, таинственного и непостижимого.

«Писательский» и «авторский» тезаурусы, на наш взгляд, – это указание на принадлежность, а не на качество, в отличие от личностного и индивидуального. Говоря о качестве и идиостилевых особенностях писателя в системе отношений категорий, можно сравнить личностный тезаурус с идиолектом, а индивидуальный тезаурус – идиостилем писателя.

Ю.Н. Караулов под «тезаурусом» понимает когнитивную систему поиска информации, а под «личностным тезаурусом» рассматривает когнитивный уровень языковой личности» [7, с. 52-53]. Если принимать за тезаурус языковую систему знания, то языковой тезаурус писателя – это вторичная обьективированная информация, зафиксированная в его текстах, следовательно, авторские тексты в таком случае выступают информационной системой знания конкретной персональной личности.

В работе С.А. Осокиной по теории тезауруса данный феномен «выступает как система репрезентаторов – способов представления сведений о действительности» [15, с. 89]. Подобные знания, эксплицируемые и эксплицируемые посредством маркеров и доминант на стилистическом уровне, выявляют смысловое пространство содержания текстов, в которых регулятивные средства функционируют в качестве информем и прагмем и формируют авторские стилиемы, наполненные смысловой интенциональностью, репрезентирующие индивидуально-личностный тезаурус писателя, представляющий субъективно ценную информацию как для читателя, так и автора. Такое взаимодействие обусловлено диалогичностью как значимым фактором понимания информации, в результате которой порождаются впечатления и переживания, представляющие ассоциативную диалогичность, которые трансформируются в стилистические маркеры. Например, у Б. Васильева ча-

стотное использование умолчания и многоточия является маркером прямого вопроса и обращения к читателю: «Вспомнили?» – так заканчивается рассказ «Вы чьё, старичьё?». «Для принятия информации объект должен обладать аппаратом интерпретации, или системой свойств, позволяющих ему воспринимать получаемые коды как некоторую информацию. Воспринимается далеко не вся информация, а только та, смысловое содержание которой предполагается свойствами объекта. Следовательно, воспринятая информация «необходимо целесообразна для принимающего ее объекта, так как ее восприятие обусловлено его собственными свойствами» [15, с. 95-96].

Размышляя о сетевой природе тезауруса, С.А. Осокина говорит о непрерывности образования семантических связей, обеспечиваемых информацией объективной и субъективной системы. «Эта система интерпретируется как связующая знания индивида и объективированные в виде семиотических сущностей знания, поэтому тезаурус имеется и в голове индивида, и как внешняя по отношению к индивиду информация. Тезаурус – это знаниевая система. В обоих направлениях тезаурус связывается с идеей поиска информации и памятью. И алгоритм поиска, и память интерпретируются двояко – как материальные информационные процессы и семантические» [15, с. 99].

Тезаурус писателя – это совокупность, синтез, комбинация идиолекта в его узком смысле и идиостиля, что позволяет говорить о стилистическом узусе и отступлении от него, о преемственности и смысловом развёртывании контекста.

Данные рассуждения достаточно значимы для обоснования соотношения понятий «идиолект» и «идиостиль». «Тезаурус – это семиотическая система знания, жизнедеятельность которой осуществляется в ходе обмена семантической информацией тезауруса отдельного индивида со средой – тезаурусами других индивидов. Тезаурусом также называется модель данной системы. Тезаурус определяет цели и ценность семантической информации при обмене индивида знаниями со средой. Это система, необходимая индивиду для рецепции входящей информации и генерации новой знаниевой информации. Тезаурус – это система связей семиотических объектов, сами семиотические объекты – семантическая информация. Тезаурус – организация информации (сеть), информация – мера организации (количество семиотических объектов)» [15, с. 103-104].

Идиолект писателя в широком смысле – это общность (языковая данность), которая объединяет носителей специфики национальной ментальности и идей через традиции и культуру, можно сказать, что идиолект Бориса Васильева – это вариант стилистически функционального литературного языка, сформированный посредством преемственности русской классической литературы. Представляется, что данным фактором объясняется отсутствие окказиональной лексики в его тезаурусе. Смысловая нагрузка и стилистическая маркированность достигается посредством соединения лексем, например: «за бабьим тишком такой скрывается грохот, крик и несуразица, какие и штрафная рота не натворит» [1, с. 349].

Идиолект в узком смысле – это то, как говорит писатель, идиостиль – это то, что говорит; идиолект – это язык, а идиостиль – коммуникативный аспект, факт коммуникации речевой личности в конкретной ситуации. Следовательно, идиолект – это инструмент-средство, а идиостиль – это средство-приём.

Понятие «идиостиль» можно сформулировать только с одной позиции, отсюда складывается затруднение раз и навсегда сформулировать универсальное понятие, которое будет отвечать всем разделам лингвистики, как нет универсального определения понятию выразительность, проявляющегося на фонетическом, лексическом уровне, поскольку стиль – это самовыражение посредством формирования и соединения языковых средств, а данным средством (инструментом) выступает идиолект.

Борис Васильев не видит необходимости в создании новых слов, поскольку стремится использовать то языковое и интертекстуальное пространство, которое зафиксировано в национально-культурном тезаурусе. Нами выявлены обращения к словарю В.И. Даля при анализе лексемы «созерцатель», совпадения с произведениями А.С. Пушкина («быстротекущая» вместо быстротечная), Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова, М.Е. Салтыкова-Щедрина – лексема «расстреляние» встречается трижды в художественной литературе. «Хотелось бы напомнить забытые слова», – говорит писатель и стремится вернуть не только утраченные слова, но и утраченные нравственные ценности. Ассоциативная диалогичность к персонажу Обломова – созерцателя с душой ребенка, просившего любить его таким, каков он есть, – возникает при описании Касьяна Глушкова: «Женщины питали слабость ... привечали его, жалели и подкармливали ... как жалели бы и привечали ребёнка. Инстинктивно чувствуя белизну его души, они безошибочно угадывали в нём и отсутствие целеустремлённости. И только его родная и единственная Евдокия Кондратьевна любила его целиком, каков он есть...».

Проявление регулятивности в тезаурусе Бориса Васильева частотно маркировано интертекстуальными и диалогичными элементами, что актуализирует использование средств воздействия на читателя с целью запечатления образов. В тезаурусе Б.Л. Васильева взаимодействие идиолекта и идиостиля объединяет территориальных носителей языка с носителями национально-культурной традиции и замыкает их в одной плоскости.

Выводы

Смысловую наполненность репрезентантов авторского смысла составляет иное контекстуально-семантическое содержание наполнения смыслового ядра и ассоциативно-семантических связей от общепринятого и зафиксированного в словарях, которое получает ценностно-нравственное звучание, сближающее его с языковым тезаурусом классиков русских писателей и фольклора, но обретающего индивидуально-авторскую и национально-культурную специфику, например: «над чем трудятся его руки ... куда несут его (не указательное, а притяжательное в такой последовательности + порядок слов) ноги (трансформирование узуального варианта «куда его ноги несут») или «Бьем мы проклятых фрицев и в хвост и в гриву, только ключья летят...», или «однажды серьезная неприятность едва не промелькнула черной кошкой за их коммунальным столом» [1, с. 283].

Помимо устойчивых и общепринятых национально-культурных кодов в тезаурусе писателя частотно приобретают идиостилевую маркированность образы-символы: отсутствие норм морали общества, бездуховность – «холод», поезд – «надежда», прощание – «лестница».

«И не было света ни за окном, ни в вагонах, и не было тепла ни там, ни тут, и уже не было прошлого, и еще не виделось будущее. И только вера в это будущее светила людям и согревала их» [1, с. 348]. Вера вселяет надежду – это идиолект, знание на национально-культурном уровне языковой личности, а в контексте «вера светит и согревает» надежда противопоставляется «холоду» – это идиостиль.

Следовательно, идиостиль – это авторский узус, который рассматривается как индивидуальность авторского письма в контексте конкретной речевой ситуации, стиль, манера и качество письма, уникальное языковое воплощение. Таким образом, идиолект – это пространство частотности языковых средств, а идиостиль – это национально-культурное и когнитивно-художественное пространство индивидуально-авторского мировидения, демонстрирующего запечатление действительности и авторские интенции.

Наиболее частотным стилистическим маркером Бориса Васильева является выдвижение – концентрация сцеплений целого ряда приёмов, такой комплекс приёмов характерен для русской народной сказки. Архитектоника тезауруса Б.Л. Васильева актуализирует сказовое восприятие не только своей поучительностью, но и фокусированием смыслового развёртывания на уровне конвергенции лексических и синтаксических повторов и таких стилистических средств, как контраст, противоречие, алогизм, антитеза, инверсия и оксюморон.

Список источников

1. Васильев Б.Л. Собрание сочинений: в 7 т. Завтра была война: Повесть; Рассказы. М.: Книжный Клуб Книговек, 2016. Т. 2. 400 с.
2. Вейдт В.П. Становление понятия «Тезаурус» в российской педагогической науке // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. Вып.5. С. 149 – 155.
3. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М.: Наука, 1984. 270 с.
4. Есин С.Н. Писательский тезаурус // Тезаурусный анализ мировой культуры: сб. науч. трудов. Вып. 25. М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2013. С. 47 – 48.
5. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.
6. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1990. 208 с.
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
8. Луков В.А., Луков В.А. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М.: Изд-во Национального института бизнеса, 2008. 784 с.
9. Луков В.А., Луков В.А. Тезаурусы II: Тезаурусный подход к пониманию человека и его мира. М.: Изд-во Национального института бизнеса, 2013. 640 с.
10. Мухин М.Ю. Универсальный идеографический словарь-тезаурус русской лексики: организация данных и формирование словника // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 10. С. 88 – 103.
11. Мухин М.Ю. Развитие лексикографических данных уральской семантической школы в процессе формирования универсального словаря-тезауруса // Лингвистическая семантика в пространственном измерении: Словарь. Дискурс. Корпус. Екатеринбург, М., 2024. С. 80 – 91.
12. Никитина А.А. Теоретические основы формирования физкультурного тезауруса у студентов: диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук: 13.00.01. Калининград, 2006. 411 с.
13. Озерова Е.Г. Русский лирикопрозаический текст: дискурсивно-когнитивный аспект: моногр. Белгород: НИУ «БелГУ», 2012. 276 с.
14. Осокина С.А. Индивидуальный тезаурус как система знаний: соотношение понятий «индивидуальный тезаурус» и «языковая личность» // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 4. С. 178 – 183.

15. Осокина С.А. Основания лингвистической теории тезауруса: дис. ... док. филол. наук: 10.02.19. Барнаул, 2015. 451 с.
16. Сапогова Е.Е. Структура личностного тезауруса: экзистенциально-психологический подход // Сибирский психологический журнал. 2019. № 73. С. 40 – 59.
17. Седых А.П., Куган Е.И. Некоторые элементы индивидуального тезауруса Марселя Пруста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (10). С. 145 – 147.
18. Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. М., 1989. 238 с.
19. Юшкевич Ю.В. Модель научно-методического сопровождения педагогов образовательного учреждения: развитие личностного тезауруса учащихся // Человек и образование. 2017. № 2 (51). С. 155 – 159.

References

1. Vasiliev B.L. Collected Works: in 7 volumes. Tomorrow Was the War: Novel; Stories. Moscow: Book Club Knigovok, 2016. Vol. 2. 400 p.
2. Veidt V.P. Formation of the Concept of "Thesaurus" in Russian Pedagogical Science. Bulletin of the I. Kant Baltic Federal University. 2015. Iss. 5. P. 149 – 155.
3. Dridze T.M. Text Activity in the Structure of Social Communication. Moscow: Nauka, 1984. 270 p.
4. Esin S.N. Writer's Thesaurus. Thesaurus Analysis of World Culture: Collection of Scientific Works. Issue 25. Moscow: Publishing House of Moscow Humanitarian University. State University, 2013. P. 47 – 48.
5. Zhrebilo T.V. Dictionary of linguistic terms. Nazran: ООО "Pilgrim", 2010. 486 p.
6. Zalevskaya A.A. Word in human lexicon: psycholinguistic study. Voronezh: Publishing house of Voronezh state university, 1990. 208 p.
7. Karaulov Yu.N. Russian language and linguistic personality. Moscow: LKI Publishing house, 2010. 264 p.
8. Lukov V.A., Lukov V.A. Thesauri: Subjective organization of humanitarian knowledge. Moscow: Publishing house of the National Institute of Business, 2008. 784 p.
9. Lukov V.A., Lukov V.A. Thesauri II: Thesaurus approach to understanding man and his world. Moscow: Publishing house of the National Institute of Business, 2013. 640 p.
10. Mukhin M.Yu. Universal ideographic dictionary-thesaurus of Russian vocabulary: data organization and formation of a vocabulary. Scientific dialogue. 2022. Vol. 11. No. 10. P. 88 – 103.
11. Mukhin M.Yu. Development of lexicographic data of the Ural semantic school in the process of formation of a universal dictionary-thesaurus. Linguistic semantics in the spatial dimension: Dictionary. Discourse. Corpus. Yekaterinburg, Moscow, 2024. P. 80 – 91.
12. Nikitina A.A. Theoretical Foundations of Formation of Physical Education Thesaurus in Students: Dissertation for the Degree of Doctor of Pedagogical Sciences: 13.00.01. Kaliningrad, 2006. 411 p.
13. Ozerova E.G. Russian Lyric Prose Text: Discursive-Cognitive Aspect: Monograph. Belgorod: National Research University "BelSU", 2012. 276 p.
14. Osokina S.A. Individual Thesaurus as a Knowledge System: Relationship between the Concepts of "Individual Thesaurus" and "Linguistic Personality". Knowledge. Understanding. Skill. 2011. No. 4. P. 178 – 183.
15. Osokina S.A. Foundations of the Linguistic Theory of the Thesaurus: Dis. ... Doc. Philological Sciences: 10.02.19. Barnaul, 2015. 451 p.
16. Sapogova E.E. The structure of the personal thesaurus: an existential-psychological approach. Siberian Psychological Journal. 2019. No. 73. P. 40 – 59.
17. Sedykh A.P., Kugan E.I. Some elements of Marcel Proust's individual thesaurus. Philological sciences. Theoretical and Practical Issues. Tambov: Gramota, 2011. No. 3 (10). P. 145 – 147.
18. Khaleeva I.I. Fundamentals of the theory of teaching understanding of foreign language speech. Moscow, 1989. 238 p.
19. Yushkevich Yu.V. Model of scientific and methodological support for teachers of an educational institution: development of a personal thesaurus of students. Man and education. 2017. No. 2 (51). P. 155 – 159.

Информация об авторах

Скандакова Е.С., старший преподаватель, кафедра русского языка и деловых коммуникаций, Белгородский университет кооперации, экономики и права, eukaziutina@yandex.ru